

А. Н. Губайдуллина

ПОЭЗИЯ ДМИТРИЯ СИРОТИНА ДЛЯ ДЕТЕЙ: МЫШЛЕНИЕ АНАЛОГИЯМИ

Стихотворения Дмитрия Сиротина чаще всего сюжетны. Во многих произведениях воспроизводится детское сознание: это поэзия открытия близкого, но всегда таинственного мира. Мышление аналогиями обнаруживается на нескольких уровнях текста. В поэтике поиск соответствий стимулирует языковую игру. В образной системе аналогии исполняют роль своеобразной «скрепы», позволяющей не только сопоставить признаки разных явлений, но найти между ними экзистенциальное родство, примиряющее Я и Другого.

Ключевые слова: Дмитрий Сиротин, современная поэзия для детей, сибирская поэзия, аналогии, образ ребенка, языковая игра.

Поэтические сборники Дмитрия Александровича Сиротина¹ уже вошли в современную детскую литературу. У лауреата нескольких премий, среди которых: премия журнала «Костер» (2010), Международная детская литературная премия им. В. П. Крапивина (2012) и другие – издано около десяти книг стихотворений, есть публикации в журналах «Кукумбер», «Костер», «Чиж и Еж», «Урал». Несмотря на полноправное присутствие Сиротина в детской поэзии, пока нет литературоведческих и критических работ, посвященных исследованию творческого почерка автора, особенностей его поэтической индивидуальности. Исключение составляют лишь развернутые читательские отзывы, опубликованные на детско-родительских обучающих сайтах [1]. Предлагаемая статья носит обзорный характер: осуществляется общий анализ нескольких поэтических книг Дмитрия Сиротина, характерных мотивов и творческих приемов.

Детские тексты Д. Сиротина чаще всего имеют сюжет, в них рассказываются истории. Мир героев его поэзии традиционно ограничен ближайшим кругом связей ребенка. Повторяющимися персонажами являются мама, папа, близкие родственники (сборник «Кто живет в холодильнике» целиком посвящен семейному бытованию и восприятию ребенком семьи) либо известные детям животные.

Образы животных антропоморфны. Антропоморфизм становится господствующим принципом объяснения социальных связей и закономерностей. Например, шуточная «старинная легенда» «Почему у кита нет ушей» обосновывает внешний вид морского млекопитающего человеческими традициями: «Нет ушей у кита неспроста: / как-то был юбилей у кита – / каждый за уши дернуть был рад, / исполнялось киту шестьдесят» [2, с. 22]. В смеховой манере автор решает двойную серьезную задачу: дать детям представление о животном мире и

познакомить юного адресата с обычаями социума. Ассоциативно стихотворение напоминает прозаический текст «How the Whale Got His Throat» («Откуда у кита такая глотка?») [3, с. 11] и другие сказки Р. Киплинга. И у того и другого автора пресуппозицией текста служит детский вопрос, связанный со стремлением понять устройство мира; в обоих случаях ответ на вопрос дается шуточный, игровой, что не отменяет образовательный, познавательный компонент произведения. Это игровое творчество, предлагающее игру как продуктивный способ освоения действительности.

Детский способ мышления аналогиями (природные явления действуют так же, как люди, и наоборот) помогает поэту передать не только человеческие состояния, но и одухотворенность мира в целом. Антропоморфизм распространяется не только на анималистические образы, но шире – на вещи или привычные явления: «Тень гонялась за котом, / бегал кот от тени. / Вместе прыгнули потом / к папе на колени. / И расселись / без забот / на коленях папы / тень кота, / а рядом – кот, / дружно свесив лапы» («Тень гонялась за котом...») [2, с. 4]. Каждое явление видится стереоскопически, с двух точек зрения: в центре – взгляд ребенка, основного героя событий, а своеобразный «фон» организует скрытая авторская позиция. В приведенном выше стихотворении авторское присутствие выражается в выборе ситуации, идеальной для того, чтобы увидеть сходство кота и тени, одушевленность последней в детских глазах.

Сходство неродственных явлений способствует метаморфозам объектов. Например, чужое, страшное одомашнивается, перестает быть пугающим: «Наказали приведенье / За плохое поведенье. / Вот: с простынкою в руке / Горько плачет в уголке» («Случай в детском саду») [4, с. 28]. Привидение – классический inferнальный герой детского фольклора – здесь демонстрирует модель поведения ребенка (посещает детский сад, проказничает, плачет). Можно допустить и другое прочтение: в ролевой игре ребенок «превращается» в привидение, накрываясь белой тканью, – случай, вполне представимый в детском саду. В данном случае анало-

¹ Дмитрий Александрович Сиротин родом из города Воркуты (Республика Коми). Окончил филологический факультет Коми государственного педагогического института. Пишет преимущественно для детей: поэзию, рассказы, сказки, драматургические произведения.

гия Сиротина обладает реверсивностью: стихотворение может прочитываться двояко, и автору важна эта двойственность. Атрибуты инобытийного героя приравниваются к одежде или игрушкам (обратим внимание на уменьшительно-ласкательный суффикс: «с простынкою в руке»), а его магические силы – к шалостям («плохое поведение»). В поэзии Сиротина нет отрицательных героев; тексты лишены пугающе инобытийного. Привидение, которое в детских «страшилках» часто фигурирует в качестве потусторонней силы чужого, страшного мира, одомашнивается, становится одним из вариантов единого инварианта ребячества. Возможность перевести «чужое» в ранг «своего» Сиротин использует неоднократно. «Волк выходит / на каток. / Лед опасен и суров: / Бах! И серый без зубов... // – У-у-у, как школьжо, братшы! / Не хочу кататься!!!» («Волк и коньки») [4, с. 29]. Адресат-ребенок и сказочный герой, традиционно отрицательный, выступают союзниками в противодействии жизненной энтропии; персонаж проходит этапы социального научения, которые требуется освоить ребенку. В этом проявляется мягкий дидактизм поэзии Д. Сиротина: поведенческие ошибки могут быть «передоверены» героям стихотворений; ребенок учится на чужом примере (волк падает, катаясь на коньках; пингвин ест фруктовый лед и простукается – и так далее).

В то же время любой опыт остается уникальным. Наличие коллективного героя – редкий признак детских текстов Дмитрия Сиротина. Можно найти лишь несколько вариантов объединения субъектов, например: «Мы бредем из-за метели / Вместе с папою домой» («Заполярное ненастье») [5, с. 2] или «Семейная логика» [5, с. 13]. Чаще герой Сиротина индивидуален. Внимание обращено на случай, конкретную ситуацию без морализаторского обобщения.

Персонажи его произведений чувствуют себя детьми, даже не являясь ими. Так, в стихотворении «Карусель», где использован прием обманутого читательского ожидания, герой катается во дворе. Восторг и упоение скоростью связаны с детской увлеченностью катанием: «Карусель – двора царица! / Ах, как весело на ней / Раскрутиться / И – кружиться / Все быстрее, / Быстрее, / Быстрее!» [5, с. 26]. Лишь в последних строках текста выясняется, что речь идет не о ребенке, а о пожилом человеке. «Жаль, опять зовет из дома / Бабка строго на обед: „Не позорься ты, кулема, / Ведь – восьмой десяток лет“».

Герои не статичны. Перевоплощение героев в границах одного текста (ребенок оказывается взрослым; чужой становится своим; неживое проявляет признаки живого) имеет двойственное обоснование. С одной стороны, персонажи стихотворений Сиротина стремятся выйти из привычной роли,

имеют латентные уникальные особенности, как, например, необычный кот из одноименного восьмистишия: «Это был необычный / Летающий кот! / Ну, откуда мы знали?! / Живет и живет... // А он крылья прятал, / Застенчив крайне, / И летал не в центре, / А на окраине...» [4, с.10]. Ключевой становится фраза «крылья прятал». Бытие в поэтическом мире Сиротина не познаваемо до конца, предполагает тайну, заключенную в знакомых, близких вещах. Детство – период постоянных открытий (точка зрения, характерная для детской литературы второй половины XX в.). «Ну, откуда мы знали?!» – в данном стихотворении это формула открытия, обретения чуда. Способность объектов изменяться означает их открытость чуду и аксиологическое уравнивание в общей системе бытийных связей.

С другой стороны, предмет способен измениться, преобразиться в глазах наблюдателя-ребенка. В этом случае способность к преобразению при-суща не столько объекту, сколько субъекту, обладающему мифологическим сознанием. Ребенок, априори подготовленный к появлению чуда, угадывает его в бытовых явлениях и поведении людей: «Седа и растрепана эта старуха / С улыбкой зловещей от уха до уха. / Бормочет, топочет, ругается скверно. / В кастрюле кипят... мухоморы, наверно! // Дрожа, я спросила у папы: „Колдунья?!“ / Он грустно ответил: „Вахтер. Тетя Дуня“...» («Колдунья») [5, с. 25]. Девочка поэтизирует реальность, сравнивая ее с известными сказочными образами. Отец видит лишь бытовую ситуацию, и его «грусть» может быть объяснена именно неспособностью разглядеть сказочное. Вопреки последней фразе, которая разрушает загадочность образа старухи, общее полотно поэтической миниатюры фиксирует оба взгляда: детский и взрослый – что усиливает идею многоликости, объемности мира.

Атрибуты «взрослого» мира находятся вне сферы чудесного. Вахтер в конечном итоге остается вахтером. В другом стихотворении у маленького героя получается изменить все окружающие предметы, кроме денег: «Под увеличительным / стеклом / оказался столик мой – / СТОЛОМ! // Блюдце стало – / БЛЮДОМ. / Чашка – ЧАШЕЙ. / Мама – ничего себе! – / МАМАШЕЙ! // Васька-кот – / ВА-СИЛИЕМ-КОТИЦЕЙ! / Только пять рублей / не стали тыщей...» (выделено заглавными буквами Д. Сиротиным. – А. Г.) («Почти волшебное стекло») [5, с. 20]. Авторская ирония проецируется не только на детскую доверчивость, принимающую видимое за сущее, но и на деловитость сознания взрослого, понимающего чудо прагматически. Деньги не способны увеличиваться, они – один из маркеров статичного «взрослого» социума. Строфы отражают гипертрофированную детскую эмоцию (восклицательная интонация, выделение букв

способствуют передаче удивления, восхищения), но кода стихотворения снижает эмоцию, как и в стихотворении «Колдунья».

Детской доверчивостью к миру в лирике Сиротина обладают и старики. Они тоже получают наслаждение от отдыха (от рыбалки – как в тексте «Клёв и клюв» [4, с. 5] или от аттракционов – «Карусель»). Дед, так же как и ребенок, является наблюдателем, замечает чудесное. В стихотворении «Шутка (Случай из детства)» внук обманывает деда, подражая лягушачьему кваканью (дед верит, что по примете это – к дождю). Ребенок снова выступает в роли волшебника: напророченный им дождь идет по-настоящему. «И я тогда... заквакал в шутку. / Тихонько – так, что не поймешь! // И, приподнявшись на подушке, / Дед удивленно сообщил: / „Похоже, квакали лягушки... / На всякий случай – где плащи? // Ну, наконец-то!“ / И, счастливый, / Уснул, пугая храпом зал. / Я захихикал торопливо... / А ночью – вправду хлынул ливень, / Сухую землю отхлестал!» [5, с. 18]. Однако «волшебник» испытывает чувство вины за свой обман; внук оказывается более сильным, чем дед, и должен защищать последнего. Несмотря на то, что ребенок лишь играет, воображая себя лягушкой, его кваканье «вызывает» настоящий дождь. Ребенок в поэзии Сиротина обладает демиургическим потенциалом, он может не только трансформировать объекты, но создавать и разрушать («Мой город» [4, с. 8]).

При этом персонажи-дети не идеализируются взрослыми персонажами. С точки зрения взрослых (главным образом родителей), ребенок не обладает необходимыми социальными навыками. Его знания поверхностны («Бизон» [2, с. 6]), он вносит в жизнь хаос, нарушает гармонию («Певец» [4, с. 14]), не выполняет родительских требований («Кое-что о пользе мороженого» [5, с. 4]; «Поучительная история» [4, с. 18]). С другой стороны, непокорность и неподатливость детства компенсируются наличием у ребенка собственной системы ценностей. Он не столько старается приспособиться, адаптироваться к миру, сколько стремится перестроить его в соответствии со своими представлениями. Наиболее показательна в этом плане миниатюра «Бессовестный Вовка»: «Вовка умеет играть на гитаре. / Я не умею – / Я Вовку ударю! // Ну и пускай мы навеки враги... / Я не умею – / и ты не моги!» [4, с. 9]. Стихотворение прочитывается иронически в силу инвертирования привычной морали: вместо того, чтобы следовать благому примеру, герой пытается повлиять на Вовку – выступает негативным лидером. Но в это же время миниатюра становится своеобразным воззванием к справедливости дружбы, стремлением к единению, к близости, в которой нуждается ребенок.

Герой Сиротина во всех связях ищет родство, подобие. Это лирика постоянной эмпатии. Харак-

терно стихотворение «Про хрюшку», в котором рассказчик переходит от описания чужого состояния – к его переживанию: «Хрюшку холят, хрюшку тешат... / Хрюшке спинку щеткой чешут... / Чешут крепко, но не больно... / Хрюшка жмурится довольно... // Пятачок, бока и ушки... / Чешут, чешут, чешут хрюшке... / Чешут... / Ох! / Простите, братцы: / должен / срочно / почесаться!» [2, с. 14]. Речь идет не о психологическом, а о физическом состоянии. Нагнетание достигается многократным повторением слов, интонацией заговора, что в конечном итоге приводит к материализации чувства для героя-рассказчика. Совершается своеобразный имагологический перенос: герой начинает чувствовать себя в роли Другого.

Если рассматривать корпус стихотворений Д. Сиротина для детей в целом, то заметно, что образ Другого вызывает одновременно притяжение и отторжение. Герой существует в постоянном сравнении себя с кем-то. Это сопоставление позволяет сравнивавшему как бы прожить вторую жизнь. Так, в тексте «Мечтатели» стрекоза завидует самолету, способному подниматься высоко, и представляет себе его полет: «Жужжит себе гордо в седой вышине, / то звездам помашет крылом, то луне!». Самолет, со своей стороны, мечтает обрести жизнь стрекозы: «Мечтал самолетик в небесной дали / тихонько кружиться у самой земли: / там речка, цветы, там не губит гроза... / Везет стрекозе, что она – стрекоза!» [2, с. 24]. Сиротин использует метафорическое соотнесение двух объектов сразу по нескольким основаниям: по форме, расположению (в воздухе), функции (полет). Две строфы стихотворения отображают его взаимобратную двухчастную композицию; чужие экзистенции являются равноценными.

Сходство объектов допускает возможность замены одного на другой. За неимением елки в Африке наряжают крокодила («Африканский Новый год» [2, с. 26]).

Один из текстов так и называется «Случай в зоопарке, или Все познается в сравнении» [4, с. 24]. Две строфы соответствуют двум взглядам: Ехидны – на Слона и Слона – на Ехидну. Оба персонажа не могут принять странный, по их мнению, образ соседа. Чувства, испытываемые при виде Другого, это «удивление», «удрученность», «ехидство». Тем не менее героев объединяет общее пространство пребывания (зоопарк), сходная судьба. Неопределенность, противоречивость отношений подразумевает потенциал для рефлексивного диалога и, как следствие, более глубокое понимание самого себя, отстраненный (В. Шкловский) взгляд на собственное Я.

Другой в поэзии Сиротина нужен для объективации Я. Иногда сходство между героями и их противопоставление соединены в границах одного

текста: «Послушал обеих – / И стало неловко: / За что так не любит / коровку коровка?..». Кода стихотворения «Коровка, коровка и автор», как и его заглавие, обыгрывает лексическую многозначность слова «коровка»: божья коровка и корова. Как и в предыдущем тексте, герои существуют в едином пространстве (луг), но каждый из двух персонажей готов отказаться от собственного имени, потому что его носит другой: «Копыт – / не имею, / рогов – / не ношу... / Коровкой меня / не зовите, прошу!». И далее: „На листьях, / травинках / совсем не вишу... / Коровкой меня / не зовите, прошу!» [2, с. 12].

Необходимо повторить, что Сиротин дает читателю возможность взглянуть на ситуацию с разных, часто противоположных, точек зрения. Если для родителей пропуск школы из-за морозов – причина для переживаний, то для сына – это повод для радости: «Папа грустный, я веселый: / Раньше времени из школы / Отпустили первый класс! / Ах, какое это счастье – / Заполярное ненастье! / Просто создано для нас!» («Заполярное ненастье») [5, с. 2]. (То же и в стихотворении «Кое-что о пользе мороженого».) Если взрослый практичен и рационален, то ребенок способен одухотворить предмет, увидеть его внутреннюю ценность: товар, который маленький герой выбирает в магазине, не практичный (игрушка), но «живой», эмпатичный, в отличие от нужной, но безжизненной маминой вещи (тушь): «Шагали мы с тушью / Обратно домой, / А слон на прощанье / Кивал головой, / И хоботом / Хлюпал он даже...» («В магазине») [4, с. 30]. Если взрослый у Сиротина понимает жизнь, то ребенок интуитивно чувствует ее и принимает. Для полноты мировосприятия требуется объединить детский и взрослый взгляды.

Определяющим признаком детской поэзии Сиротина является обыгрывание устойчивых выражений, фразеологизмов. В редких случаях известные фразы выносятся в название стихотворения (например, «мартовский кот» в истории «Про мартовского кота и строгую кошку» [4, с. 6]), но чаще словесная конструкция ложится в основу лирического сюжета. Так, в стихотворении «Клев и клюв» ребята – собеседники рыбака – удивляются его фразе о том, что рыба не клюет: «Вот смешной попался дед! / Ведь у рыбы клюва – нет!». Подчеркивание орфоэпической близости слов клёв/клюв позволяет добиться герметичной целостности и емкости короткого текста. В другом стихотворении околотовской тематики «О сплетницах Щуках и везучей Медузе» обыгрывается выражение «перемывать кости» (сплетничать). Игровая полисемантическая достигается тем, что выражение употребляется как в прямом, так и в переносном смысле: «Лишь от Щук уплыли гости – / Стали Щуки мыть им кости! / А Медуза – без костей. / Повезло, выхо-

дит, ей...» [4, с. 20]. Каламбурную основу имеет и стихотворение «В зоопарке» [2, с.16]: выражение «Что за муха его укусила?!», понимаемое прямо и в переносном смысле, сюжетно объясняет «мрачность» бегемота в зоопарке.

Наиболее емким в использовании языковой игры является сборник «Кто живет в холодильнике». Многие стихотворения сборника основываются на многозначности слов и омонимии. Подобная игра слов присутствует, в частности, в стихотворении «Семейная логика»: «Когда теряет / папа / шляпу, / мы называем / шляпой / папу» [5, с. 13]. Миниатюра строится как двухчастный «перевертыш», где субъект с объектом взаимно обратимы. Главный герой стихотворения – русский язык, вступающий с читателем в игру.

Сиротин обращается к разговорной речи. Ребенок, в своем начальном постижении языка, с буквальным пониманием каждого слова, невольно проявляет разрушение языкового канона: «Мне папа вечером сказал: / „Сынуля, ты меня ДОСТАЛ...“ // Я рассмеялся от души: / У папы шутки хороши! // Ведь он – не ручка, не тетрадь: / Из ранца папу не ДОСТАТЬ! // А чтоб до плеч его ДОСТАТЬ – / Таким же длинным надо стать!» («Папа-весельчак») [5, с. 10] (выделено заглавными буквами Д. Сиротиним. – А. Г.). Детское непонимание жаргонизмов, таким образом, привлекает читательское внимание к языковым трансформациям, к смыслу слова, к его первоначальному значению.

Однако как ребенок, так и взрослый в стихотворениях Сиротина – герои современности. Упоминаются не только футбол, космос, телефонные разговоры, поход за покупками, но компьютерный мир: «Вам папу? Папы дома нет: / Он вышел в этот... в Интернет» («Современный телефонный разговор») [5, с. 12]. Виртуальное пространство постепенно входит в детскую поэзию в качестве реалий новой действительности. Сравним текст Д. Сиротина с тематически родственным текстом М. Рупасовой «Я – новость»: «Мама дома? / Мама нет. / Мама вышла. / В Интернет. // Мама ищет / В Интернете, / Как дела / На белом свете. // Кофе пьет / Глазами / Водит: / Что там в мире / Происходит? // Мама, я тебе / Скажу! / В мире / Я происхожу!» [6, с. 59]. В обоих стихотворениях присутствует подспудный дидактический посыл, обращенный, скорее, ко взрослым – родителям, «отсутствующим в присутствии», то есть зависимым от Интернета и перестающим обращать внимание на своего ребенка. Лаконичное двустишие Д. Сиротина «Современный телефонный разговор» содержит много интонационных и семантических нюансов. Это и поколенческая смена представлений о реальности – буквальное отсутствие (человек вышел из дома) сменяется отсутствием как излишней увле-

ченностью виртуальным миром – и дистанция между детским и взрослым сознанием (ребенок с трудом вспоминает название компьютерной сети), и авторская ирония. В то же время ребенок принимает взрослую увлеченность, даже не разделяя ее.

Таким образом, ребенок и взрослый в поэтической версии Дмитрия Сиротина не являются категорическими антагонистами. Разные способы мировосприятия дополняют друг друга: если мышление взрослого рационально, то детское сознание ассоциативно. Аналогия используется автором на

разных уровнях текста, восходя от функциональной языковой игры к принципу мироустройства, при котором разные формы существования обнаруживают родство, позволяющее примирить любые, в том числе полярные, позиции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005а(р) «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX–XXI веков для детей и юношества».

Список литературы

1. Виноградова А. Детские стихи от пяти отличных поэтов // Время мам. URL: <http://activemam.com/garmonichnoe-razvitie-rebenka/detskie-knigi/detskie-stihi-ot-pyati-otlichnyh-poetov.html/> (дата обращения: 26.07.2016).
2. Сиротин Д. Почему у кита нет ушей? Стихи о животных. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 31 с.
3. Киплинг Р. Дж. Сказки. М.: Махаон, 2015. 192 с.
4. Сиротин Д. Поучительные истории. М.: Суфлер; Ростов н/Д: Феникс, 2013. 31 с.
5. Сиротин Д. Кто живет в холодильнике. М.: Феникс-Премьер, 2014. 29 с.
6. Рупасова М. С неба падали старушки. М.: АСТ, 2016. 64 с.

Губайдуллина А. Н., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: gubgub@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 05.09.2016.

A. N. Gubaydullina

POETRY OF DMITRIY SIROTIN FOR CHILDREN: THINKING WITH ANALOGIES

Poems by Dmitriy Sirotin often have the plot and character. The author is trying to convey identity of child's consciousness. This poetry opens a familiar but always mysterious world. Sirotin invites the reader to look at the role-play situation from different points of view. If an adult person understands life, the child feels reality intuitively, and he is able to transfigure it mythologically. This poet resorts to method of analogy in different levels of text. Search of words that coincide in sound and form stimulates wordplay. Analogy gives an opportunity to compare the two things of reality. In addition, the author finds existential similarity in these things, it helps to overcome the difference between the Me and the Other.

Key words: *Dmitriy Sirotin, contemporary poetry for children, Siberian poetry, analogy, character of child, word-play.*

References

1. Vinogradova A. *Detskiye stikhi ot pyati otlichnykh poetov* [Poems for kids from five excellent poets]. *Vremya mam* [The time of mothers] URL: <http://activemam.com/garmonichnoe-razvitie-rebenka/detskie-knigi/detskie-stihi-ot-pyati-otlichnyh-poetov.html/> (accessed: 26.07.2016) (in Russian).
2. Sirotin D. *Pochemu u kita net ushey?* [Why whale has no ears]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2014. 31 p. (in Russian).
3. Kipling R. J. *Skazki* [Fairy tales]. Moscow, Makhaon Publ., 2015. 192 p. (in Russian).
4. Sirotin D. *Pouchitel'nye istorii* [Instructive stories]. Moscow, Sufler Publ., Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2013. 31 p. (in Russian).
5. Sirotin D. *Kto zhivet v kholodil'nike?* [Who lives in the fridge?]. Moscow, Feniks-Prem'er Publ., 2014. 29 p. (in Russian).
6. Rupasova M. *S neba padali starushki* [From the sky were falling old women] Moscow, AST Publ., 2016, 64 p. (in Russian).

Gubaydullina A. N.

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: gubgub@ngs.ru